

состоянию мелкого производства, обусловленному притоком в крупные города IV—VI вв. массы свободных, создававших конкуренцию рабскому труду и накалявших социальную обстановку. Поэтому не следует, видимо, называть в целом прогрессивной борьбу массы горожан за существование, когда для них все средства были хороши и движение зачастую руководилось реакционнейшими представителями господствующего класса.

Думается, не совсем точна характеристика, данная автором варварским завоеваниям как фактору, способствовавшему упадку поздневизантийских городов (стр. 42—43). Скорее варвары способствовали упадку не полиса, а города вообще. Славяне и арабы «доросли» до понимания ценности не городов (ср. стр. 72), а тех центров, что соответствовали их потребностям и уровню развития. С другой стороны, если мелкие города представляли для славян ценность как центры сосредоточения военно-земледельческого населения, то арабы рассматривали их как центры территориальной военно-административной эксплуатации. И то и другое, безусловно, снижало социально-экономический потенциал города.

По мнению Г. Л. Курбатова, к VII в. формируется новая провинциальная византийская знать. Но не совсем ясно, кем были по своему социальному облику как «богатые местные землевладельцы, не связанные с городом», так и «городская служилая землевладельческая знать». Можно согласиться с тезисом, что это были социальные образования переходного характера, однако какие же их слои и группы продолжали цепляться за старые формы, а какие нет? Ведь террор Фоки коснулся и крупнейших землевладельцев провинций, связанных с городами.

Монография как бы подводит читателя к вопросу о городских социальных движениях этого периода в полном объеме, о кризисе и упадке старой идеологии и культуры, связанных с позднеантичным полисом. Видимо, все эти вопросы будут затронуты в последующих работах автора.

В заключение следует сказать, что в целом работа Г. Л. Курбатова является, безусловно, важным и ценным исследованием, несмотря на спорность многих положений, обогащаящим советскую византистику. Широта и важность проблемы, ясность и красочность языка (особенно удачны в этом отношении третья и четвертая главы) делают эту книгу интересной и доступной для широкого круга исследователей и читателей.

А. С. Козлов

Theodori Prodromi De Manganis, ed. S. Bernardinello. — «Università di Padova. Studi bizantini e neogreci», 4. Liviana editrice in Padova, 1972, p. VIII+138

Итальянский филолог С. Бернардинелло, занимавшийся до сих пор рукописной традицией «Метафизики» Аристотеля, издал 12 стихотворений Феодора Продрома, связанных общей темой — пожалованием поэту так называемого адельфата в Манганском монастыре. Стихотворения эти содержатся в двух рукописях: Миланской (Ambros. 0 94 sup, первая половина XV в.) и Венецианской (Marc. XI.22, XIII в.). По мнению Бернардинелло (стр. 8 и сл.), обе рукописи независимы друг от друга как по составу, так и по характеру текста. При этом Миланская рукопись, по мысли издателя, располагает стихотворения в общем в целом в хронологической последовательности, тогда как Венецианская группирует их в соответствии с иерархически-генеалогическим принципом — в зависимости от значения адресатов стихотворных посланий Продрома.

Манганские стихотворения Продрома давно известны, но до сих пор были изданы лишь частично (С. Д. Пападимитриу, Э. Миллером) и исключительно по Венецианской рукописи. Бернардинелло публикует полный греческий текст с критическим аппаратом (стр. 29—80), итальянский перевод с указанием библейских цитат (стр. 81—129) и indexes редких слов и собственных имен (стр. 131—138). Издание лишено реального комментария. Не выделены в нем и устойчивые формулы (стереотипы), характерные для византийской риторики XII в. и повторяющиеся у самого Продрома. Во введении, помимо краткой характеристики рукописей и принципов публикации, издатель детально рассматривает вопрос о датировке этой серии стихов Продрома (стр. 9—19).

Как известно, Манганские стихотворения не содержат внешних хронологических указаний: определить время написания можно лишь по их содержанию, риторичность которого, однако, делает попытки подобного рода спорными. Нет ничего удивительного, что Бернардинелло расходитя в датировке с тем, что предлагал в свое время С. Д. Пападимитриу, но и его собственные даты подчас вызывают сомнения. Вернемся еще раз к этому вопросу.

Стих. I—II адресованы севастократорисе, в которой издатель предположительно усматривает Ирину, жену севастократора Андроника Комнина, сына Иоанна II (стр. 10). Бернардинелло предполагает, что стихи написаны при жизни Андроника,

т. е. еще до 1142 г. (стр. 11). Это предположение ошибочно: поэт отнюдь не обращается к севастократору — лишь в лемме стих. II сказано, что севастократор и севастократриса обещали поэту аделфат. Мне кажется, что недоразумение возникло из-за нечетких представлений издателя-классика о византийской титулатуре: он переводит титул севастократриса как Augusta, хотя августа — это императрица, а словом Augusto, Augustissimo передает как ранг севастократора, так и следующий за ним — протосеваста (см. стк. 83, 85). Протосеваст, к которому обращается поэт в стих. II (стр. 15), — не севастократор, а сын севастократора: он назван «точным образом севастократора» (стк. 40) и «проявлением отцовского характера» (стк. 38). Протосеваст, сын севастократора, — это, без сомнений, Иоанн, сын Андроника и Ирины, любимый племянник Мануила I. Так как он получил титул протосеваста в утешение за ранение на турнире в 1153 г., стих. II (и видимо, стих. I) не могло появиться ранее 1153 г.

В стих. I есть еще один пункт, важный для хронологии: поэт говорит, что служит севастократорисе 12 лет (стк. 8); так как он застал в живых Андроника и, во всяком случае, написал стихи на смерть Андроника в 1142 г.¹, стих. I вряд ли могло быть написано много позднее 1154 г.

Стих. III, обращенное к Мануилу I, Бернардинелло датирует временем между 1146 и 1151 гг. (стр. 11—13). Основным аргументом служит ему отсутствие упоминания о Марии, дочери Мануила I, рождение которой обычно относят к марту 1152 г. Однако кто та «багрянородная госпожа», которая названа в стк. 69? Издатель полагает, что Берта Зульцбахская, жена Мануила, названная так «по восточному обычаю». Но термин «багрянородный» имел в Византии четкое значение — так называли сыновей и дочерей императора, рожденных в Багряной палате. В таком случае «багрянородная госпожа» — либо одна из сестер Мануила, либо, скорее, его дочь Мария. Можно было бы высказать гипотезу, что стихи написаны после смерти Берты, но до второго брака Мануила, когда Мария была «первой дамой» государства, т. е. около 1160 г.

Следует обратить внимание на географический колорит этого стихотворения. В нем назван Евфрат (стк. 51. Ср. IV, 53), дважды говорится о благотельном Ниле, несущем золото (стк. 5, 37), — в том контексте, в каком обычно византийские риторы упоминали Пактол (ср. IV, 176, V, 6); наконец, говорится о Египте (стк. 38). Эта сирийско-египетская географическая номенклатура была бы естественной в риторической лексике после похода Мануила на Антиохию в 1159 г.

Стих. IV датируется по упоминанию единственной дочери Мануила, которая еще ребенок (стк. 166—169). Бернардинелло вслед за С. Д. Пападимитриу относит его к 1152—1153 гг. (стр. 13). Эта дата кажется наиболее достоверной — впрочем при условии, что Мария действительно родилась в марте 1152 г.

Стих. V завершается пожеланием Мануилу наследника (стк. 120—121). Бернардинелло делает из этого вывод, что оно написано до рождения Алексея II в 1168 г. (стр. 14). Не говоря о том, что П. Вирт отнес рождение Алексея к 14.IX 1169 г.², трудно представить, что поэт осмелился пожелать Мануилу наследника, когда Мария и ее жених, деспот Алексей-Бела, считались наследниками престола. Нельзя ли предположить, что стих. V появилось раньше стих. IV, накануне рождения Марии?

Центральное место в манганском цикле занимает стих. VI, где поэт благодарит императора за пожалование ему аделфата. С. Д. Пападимитриу датировал стихи временем до декабря 1153 г.³, Ф. Дольгер отнес пожалование примерно к 1154/5 г. (Reg., II, № 1395). Бернардинелло коренным образом меняет датировку: по его мнению, стихи относятся к 1165 г. (стр. 15). В этих стихах упомянуто о победе императора над варварами у Диоклейского холма, более высокого, чем Эта и Олимп (стк. 249—251), т. е. об успехах Мануила в Сербии. Действительно, в 1165 г. византийские войска вторглись в Далмацию⁴, но можно ли быть уверенным, что слова поэта относятся непременно к этому моменту, а не к какому-нибудь более раннему? Бернардинелло не останавливается на других аллюзиях стих. VI, а они заставляют внести кое-какие коррективы. Во-первых, поэт пишет о господстве Мануила на море и о торжестве над флотом тирана (стк. 345—350), что могло быть отнесено к морской победе над флотом норманнов, вторгшемся в район Константинополя в 1158 г.⁵ (может быть, это же событие имеется в виду и в стих. XII). Во-вторых, император, по словам панегириста, обуздал коня с горделивой шеей (стк. 265—270); гордый конь в византийской лексике XII в. (в частности у Никиты Хониата) — синоним латинянина; в таком случае цитированная фраза могла бы относиться к походу Мануила I в Сирию в 1159 г.

Стих. VII, где идет речь о том, что распоряжение императора не осуществляется, должно было последовать за стих. VI (стр. 15 и сл.). Стих. VIII прославляет красноречие Мануила I; Бернардинелло усматривает в нем намек на собор 1166 г. (стр. 16),

¹ С. Д. Пападимитриу. 'Ο Πρόδρομος τοῦ Μαρτιανοῦ κἀδελφός XI, 22.—ВВ, X, 1903, стр. 116 (см. стих. LXIV).

² P. Wirth. Wann wurde Kaiser Alexios II. Komnenos geboren?— ВЗ, 49, 1956.

³ С. Д. Пападимитриу. Феодор Продром. Одесса, 1905, стр. 31 и сл.

⁴ Ја. Ферлуга. Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957, стр. 130—133.

⁵ А. П. Каждан. Братья Айофеодориты при дворе Мануила Комнина.— ЗРВИ, 9, 1966, стр. 88.

но никаких оснований для этого нет: более того, поэт прямо говорит, что император выступал в синклите (стк. 42. Ср. IX, 56), а не на соборе.

Стих. IX написано в связи с падением императора вместе с лошадью, которое издатель идентифицирует с упомянутым у Киннама и случившимся в начале 1167 г. (стр. 17). Трудность, правда, состоит в том, что поэт многословно скорбит о сломанном бедре (стк. 3—6), тогда как Киннам (Синп., р. 264. 12—17) сообщает о повреждении бедра и руки. Но даже если дата Бернардинелло верна, это не имеет значения для нашей задачи, так как стих. IX не касается вопроса об адельфате.

В стих. X, связанном все с той же затяжкой выдачи поэту адельфата, названо лишь одно событие, поддающееся датировке, — первая встреча с «сатрапом Икония» (стк. 7), т. е. с Килич-Арсланом II, которая состоялась в Константинополе в 1162 г. Правда, в словах поэта об императоре, обогрившем своей кровью пурпурный сапог (стк. 3—4), издатель видит намек на падение Мануила в 1167 г., оплаканное в стих. IX (стр. 17); намек, однако, слишком неопределен, чтобы служить основанием для датировки.

В стих. XI упоминают, помимо протосеваста (стк. 4), севаст и зять императора (стк. 5), в котором издатель хочет видеть Алексея Белу, жениха Марии (стр. 18). Идентификация ошибочна, ибо Бела был деспотом, а не севастом, титул «севаста и царского зятя» жаловался обычно мужьям племянниц василевса. Решить, кто именно из них имеется здесь в виду, невозможно. Опорных пунктов для датировки нет.

Стих. XII завершает весь цикл. Оно начинается с замечания, что прошло уже три года с того момента, как поэт поблагодарил государя за пожалование (стк. 1—4), т. е. с момента написания стих. VI. Бернардинелло датировал его на этом основании 1168 г. (стр. 18 и сл.). Он, однако, не рассматривает прямых намеков стих. XII на политические события. Это прежде всего упоминание о том, что император осыпал золотом сатрапа Икония (стк. 43), что естественнее всего связывать с приездом Килич-Арслана в Константинополь в 1162 г. (ср. стих. X). Далее идет речь о посылке драгоценностей в Галлию (стк. 48), о наделении золотом «племени элоров» (стк. 65), — видимо, сицилийцев, об испуге короля Аламанни (стк. 71). Вся ситуация могла бы подойти к началу 60-х годов, когда Мануил I и в самом деле искал союза Франции и Сицилии против Фридриха Барбароссы. Подробно описанную победу под Авидом над вражеским флотом (стк. 115—174) трудно связать с каким-либо известным событием, разве только с набегом 1158 г. (см. стих. VI). Загадочной фигурой остается тот «потомок севаста и тагматарха» (стк. 78), об успехах которого говорится в стих. XII. Скорее всего, севаст и тагматарх — это севаст и великий domestik Иоанн Аксух, сын которого Алексей был протостратором при Мануиле. Если отождествление верно, стих. XII не могло быть написано позднее 1167 г., когда Алексея обвинили в занятиях магией и постригли в монахи.

Я далек от оптимистической уверенности в том, что манганский цикл датирован мною окончательно и точно. Напротив, цель моих замечаний иная — обратить внимание на трудности этой датировки. Мне, во всяком случае, представляется, что стихи об адельфате были написаны за более узкий отрезок времени, чем предположенный издателем период от 1142 до 1168 г.

Манганские стихотворения — интересный памятник византийской общественной мысли. Они важны и для установления биографии самого поэта, и тут прежде всего возникает вопрос, принадлежали ли они Продрому или Псевдо-Продрому. Кто тот Продром, «милый мне Продром», которого упоминает автор в стих. X (стк. 47. Ср. стк. 27)? Издатель обходит проблему и, может быть, поступает правильно: видимо, следует сперва издать всю совокупность стихов, дошедших под именем этого поэта, и потом уже в новом свете ставить и решать проблемы, связанные с его жизнью и творчеством. Новое издание — при всей спорности введения к нему — приближает нас к этой цели.

А. К.

A. Gadolin. A Theory of History and Society with special reference to the Chronographia of Michael Psellos; 11-th Century Byzantium.} Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1970

Распадающийся на две части заголовок рецензируемой книги («Теория истории и общества и «Хронография» Михаила Пселла») идеально соответствует ее общей структуре. Почти каждый раздел, глава и даже маленький параграф разделены надвое, причем первая часть обычно носит название «Теория», вторая — «Постановка вопроса в «Хронографии» Пселла». В первой излагаются античные представления о тех или иных сторонах общественной и частной жизни, во второй — взгляд на них Михаила Пселла. В последнем, пятом разделе содержатся выводы и устанавливается степень зависимости Пселла от античности. Шесть веков, отделяющих византийского философа и писателя от античной древности, опускаются вовсе с соответствующим объяснением, что V—X вв. — «темные века» византийской истории, не оставившие почти никакого следа в интеллектуальной жизни.